

Не все столь благостно, господа!

“Георгий Иванов. Распад атома” на “Культуре”

Культура-2005.-2-8 июня-

с. 4

Авторы данного телевизионного проекта столкнулись с проблемой, довольно часто сопровождающей биографов, а именно: мифологизация “выдающегося современника” его ближайшим окружением. В случае поэта Георгия Иванова “виновной” в лакировке сложного образа оказалась его вдова, Ирина Одоевцева. Ей, в отличие от многих, была суждена и долгая жизнь, и даже возвращение на Родину в первые перестроечные годы: эти обстоятельства позволили ей “поставить последнюю точку” в качестве мемуаристки и живой свидетельницы... Однако в руках у сценариста фильма Николая Мельникова оказались не только мемуары Одоевцевой, создавшей благодостный облик детских и отроческих лет будущего супруга, но и кадетский журнал (обнаруженный в Военно-историческом архиве), где педагоги оставили свои свидетельства о будущем поэте. Разумеется, еще подростком он был заподозрен в “декадентстве”. Добрый, отзывчивый мальчик. Одновременно – неврастеник (этот диагноз принадлежит наставникам Георгия): “болезненная нервность и апатия”. Бесконтрольно и много читает (сие – далеко не комплимент), с трудом сходится со сверстниками и не принимает участия в спортивных состязаниях и играх, “ибо товарищам смеются над его худобой”. Собственно, дальше можно не продолжать, этим все и сказано про “счастливое” детство. Впрочем, благодаря журналу “Кадет Михайловец” Георгий Иванов нашел свое призвание, как он впоследствии выражался, “ничтоже сумняшеся опубликовал целый пук архидекадентских стихов”. Благословил же его на публикацию покровитель корпуса, поэт К.Р., то есть Константин Романов. Иванов прекрасно понимал всю ненужность, всю беспольность своего как бы военного образования в новейших условиях делания судеб и карьер (одним из первых, между прочим). Более того, буквально страдал, что не может развиваться как личность в атмосфере военного училища, где были запрещены “Воскресение” Толстого и “Путешествие из Петербурга в Москву” Радищева... “Уволен из Корпуса на пожелание родителей” – таков финал его кадетского воспитания. До окончания училища семнадцатилетнему

Иванову оставалось три года.. Пребывая под опекой родителей, вернее, в доме прадеда, юноша созерцает семейные реликвии – “голубой” портрет прабабки кисти Левицкого в обрамлении саженьных ваз в стиле Антуана Ватто, с рисунками, навеянными знаменитым “Путешествием на Цетеру” этого же живописца... Увлечение Ватто приводит к появлению поэтического сборника “Путешествие на Цетеру” (1912). И вот уже мальчик признан как поэтический талант.

Авторы фильма тонко и точно сумели показать и доказать (вспомним откровенно лживые мемуары супруги) тему духовного изгойства, что преследовала Иванова в первые сознательные годы его жизни. Все началось с детства, и неслучайно эдакая мемуарная “ретушь” верной спутницы Одоевцевой так старательно, даже виртуозно закрасивает картинку юности. Только в эмиграции очевидец семейного быта Иванова и Одоевцевой, кстати, вполне восторженно настроенный по отношению к “Жоржу”, Василий Яновский мог честно констатировать: “Его сексуальная жизнь – довольно сумрачная картина”. Страсть к красивым простоплюдинам в военной форме, мелкие авантюры финансового толка (говоря проще – шантаж) с поклонниками жены-красотки, так демонстративно увиденной им от лидера поэтического поколения Гумилева... Странности мальчиков, стыдящихся своей худобы и болезненно сходящихся со сверстниками в военной форме, – неизменные спутники “бытового” декадентства. И все это родом из тех самых закрытых военных училищ, ныне, между прочим, едва ли не восплаемых как оплот государственности, как эталонная “школа мужества”. Не все столь благостно, господа! Но не факт сексуальной ориентации поэта здесь важен. Авторы картины показали, что именно неспособность принадлежать к тому мужскому обществу, что предлагали Иванову сами обстоятельства, судьба, заставили его искать собственную “стаю”. Поразительно, но факт: от него, что называется, “в памяти народной”, увы, не осталось ярких строк.. От Одоевцевой остались, даже от третируемого им Игоря Северянина!.. Но миф об Иванове, его мемуаристика, его имя не-

вероятно значимы в контексте всего Серебряного века, равно как культуры российской эмиграции... В эмиграции он жил с 1923 года, постепенно истончаясь духовно, теряя блеск своего мифа, бесконечно страдая... О том, что было “до”, он исчерпывающим образом высказался в “Распаде атома”: “Все это отражения хаоса в мозгу больного человека”. О возвращении не помышлял, ностальгия принимала все более болезненные формы...

Да, Иванов был в полной мере признан как поэт, но еще более властвовал над умами как “человек, создавший имена и репутации”. Его многие откровенно не любили, боялись. Тот самый коварный кусочек андерсеновского “кривого зеркала”, что попадает только в склеру избранных глаз, наделяя невероятной зоркостью к чужим недостаткам, несовершенствам, к чужой фальши? Если бы так! В конце жизни он горько раскаивался в том, что одним эссе погубил всю эмигрантскую поэтическую судьбу Владислава Ходасевича. Но также гордился тем, что некогда назвал Владимира Набокова “кухаркиным сыном и смердом”. “Он и есть метафизический смерд” – звучит в фильме его вторичный приговор.

Не обошлось в “Распаде атома” (реж. И.Лайнер) без неких “общих мест”: романс Александра Вертинского, Вера Холодная, отрывки из немых фильмов с нею, в том числе шедевры Евгения Бауэра (непреренно – “Жизнь за жизнь”). Ковровая лестница знаменитого Ленинградского дома искусств. Портретная галерея Юрия Анненкова. Виды курортной Ниццы. Ленинградские физкультурники. Вновь Ницца – новое поколение предающихся здоровому отдыху буржуа. Но все-таки обилие этих “общих мест” (имеются в виду именно хроникальные фрагменты, цитаты из игровых лент) вполне уместно, потому что скреплено индивидуальностью самого героя, тем новым, что сказано об Иванове и его эпохе.

О его поэзии и его личной драме так написал А.Блок: “Это книга человека, зарезанного цивилизацией, зарезанного без крови, что ужаснее для меня всех кровавых зрелищ этого века”.

Анастасия МАШКОВА